

92. 627

оп. 2

89. 68

Ремисов, Алексей Михайлович

" 13 плену " - стихотворение

44

~~46~~ ст. в. из кат. 4 в. лист.

1896-1903.

ст. № 29 - пропускать
при публикации.

ВЪ ПЛЪНУ.

It is not, nor it cannot come to good;—
But break my heart, for I must hold my tongue!

Hamlet.

Воньга.
Ж. С. Р. 26
Александръ Ремизовъ Р.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Въплъху.

I.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Выгна башня!

Башню строили долго, высокую, башню.

Узкія окна оглились гасюй и крѣпкой рѣшеткой.

Стекла - глаза мертвецовъ - туманно и мрачно взглянули.

И скучная, спрѣя жизнь тѣплась въ каменномъ тѣлѣ.

Только душа одна безпокойная, ненасытная тайно горѣла.

Размѣгались толстыя стѣны, плѣсень гнила, разсыпалась известька.

Штукатурка растрескалась, - зѣлютъ глубокія, гермыя раны.....

И люди душной, безсвѣтной башни огнулись.

Дрогнули стѣны, закапались, рассыпались.

Шумѣтъ покія брызги извести, несетя погребальная пыль.

На свободу строители!

Темны слагаютъ свободу!

Но тѣда, гдѣ башня стояла, погнулись обозы, нагруженные верзъ кирпичами и камнями.

И новая башня сверкнула на солнце, высокая, бѣлая.

Мертвыя окна глубже гермятъ, толмѣтъ.

Душа, какъ время, подтагиваетъ бѣлое тѣло.

Выгна, выгна башня!

1. Снова, как много лет назад, я живу в моем полуразвалившемся фениксе; старые бревенчатые стены еще больше покосились и потемнели; торчат дыры, гниль, кое-где и красный мох.

Незамытно пробуждаются осенние сумерки.

За стеной укладываются спать, старуха ворчит, и ее ворчанье, непонятное мне, становится все тише и тише, словно говорит иззякшей, утомившейся капле.

Я сижу у окна, смотрю на реку, на ее нежную, малиновую и голубую кожу, переливающуюся, точно у какой-то огромной, ленивой змеи.

Если своими крестами прыгнет под самые облака, под этот разноцветный балдахин, трепетный и сокровенный.

А там, где золотые плиты устилают небо, и красные, изогнутые перилы тонут в каком-то дыре огня и пламени, лежат степь молчаливая и древняя, как поле после дождя бытв.

И так хорошо!...

И гудит, что где-то там, за небом и землей, вступаются два разлученных существа, прекрасных, легких, они разказывают о вечном, а между взором голубка пролетают и это небо и земля...

Люблю я пробуждение зреть и осени нежданную улыбку. Как хочется тогда поверить, что никогда уже вновь не упадут тяжелые снега, что воздух не будет герствым, не будет фишным, и с хохотом не взглянет утренний разсвет на преечлене....

Но грязные, усталые дороги и мокрые деревья сжимаются и холодают.

С последней искрой тамления солнца опять идет мороз.

Уж галок и ворон не слышны крики, не падают листья.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Ночь темная приходишь, тушишь звезды, и на кладбище звенят
впьюки.

И, кажется, выходит смерть сама, туманная и олинная, как
Тяни, и серп несет в руках для жатвы нищей, безцельной на-
шей жизни...

Совсем тихо, будто один я остался на цыломь свету.

Окно застлало зерный и сырой тумань.

Вптерь полетом по стене.

Кто-то постукивает в дверь: стукнет и ждець.

Вптерь ударился зрчим о лась и завиль...

Шеперь он сидит за-нибудь туль, пошь окномь, сторожить,
напываеть.

И в пьсь его фромью бьжнть то, что было козга-то, что
шепали ему мои губы, засыхаь вь неволь...

2. Звонит Тюремный колокол, острым ножом ударяь о сердце.

Вздрогнул сухо, как тупое орудье, тайной замкомь.

Моропливь одьтсь...

Совсемь еще ночь; тюрьма вь желтых, сонных огнях;

Тусклые, забытые фонари, трищурившись, сльфать за мной.

Ложу по кругу безостановочно, не думаь.

Я не могу проснтьсь.

И, кажется, что должен я ити кца-то и вьгно такь итти...

Бльдно-опованныя сьмерки непробудно лежат на окнь и сть-
нахь.

Сньгь ли падаеть, солнце ль бльное бльнтьеть?

Открывают форточку двери.

Тихо вь тюрьмь, точно тюрьма перець казню.

Откца-то изь злцмь, изь подвешелья ицть невнятных слова

молитвы.

Измученные лица глядят из оконъ.

Невысказанные слова молитвы угасаютъ....

Ветеръ запутался въ решётку.

Где-то глухо стучатъ машины.

Огромный зверь проснулся, — нить света, нить воздуха и тепло, всю зрачу, все тело фавата стоны, — проснулся зверь.

Онъ шепчетъ, где-то близко яркой светъ играетъ, онъ шепчетъ, где-то радомъ жизнь растётъ, и онъ кричитъ, но голоса его никто не слышитъ.

Смыслъ и страданъ, звякаютъ блестящие кандалы; ихъ смыкъ, замора, ихъ стонъ, затихая, снова, снова звучитъ...

А тамъ, въ моемъ сердце, подымаются страшные бури, бушуютъ, рвутъ жизни...

3. Камера грязная, болыная, какъ нищадъ на паперти въ праздникъ.

Шагъ слышн на свободу.

Съ сыростью и испарениями навизгающейея тюрьмы прославается пьсна ко мнѣ.

И летятъ, высоко уносятся звуки.

Они пробиваютъ крышу, сливаются съ бѣлыми тучами и слетятъ къ гермоу краю небесъ, где шепчетъ уже весна, где рождаются запахи цветовъ и листьевъ.

Кто-то окрикнеть.

Пьсна, какъ сердце, прижалась къ звуку.

Монотонно позвѣкивая шашками и стуча сапогами, ходятъ по корридорѣ часовые, какъ тюремные дни, монотонно позвѣкивая шашками и стуча сапогами....

Луги, золотые луги, слетают ко мне!

Это не грёза, не сон, они на Лицъ дрожатъ у меня.

Вы аѳрида, со свѣта пришли, вы ласкали пофеняжника, вы горели на храмахъ, вы слёзы сѣшили, — согрейте меня!

Люди съ любовью разлучаютъ, люди казнятъ, вы же на небо рождаетесь, вы раны врачуете и въ стали сверкаете, — согрейте меня!..

Долго, прижавшись лицомъ къ рѣшеткѣ, гляжу на небо, на радость весенней лазури.

Ц хмурая, суровая Тюрьма шумитъ.

Шо и тихо щелкаютъ замки; договариваютъ, угрожаютъ, драхнутъ часовые.

Ч. Весь мой столъ въ гѣлицѣхъ, тузъ и пиковые, и розовые, и синіе, и бѣлые.

За окномъ послѣдніе дни сѣраго снега; зима, разставался, плачетъ тяжелыми слезами; я слышу, какъ стучатъ они о крышу, вижу, какъ горятъ на рѣшеткѣ.

Воскресите луги жарко разливаются по влажнымъ цветамъ.

Позеленѣли листья; лепестки размяклись, расплавились, жгутъ — о новой жизни мечтаютъ!

Но ваъ луги потемнѣли и скудно побрели вълыми перепуганными пнями по камеръ — окно закрасили бѣлой краской.

Лепестки, изнемогая отъ ужаса, прижались другъ къ другу.

Ц зогнувшіеся стебли дремлютъ, безнадѣжные; листья пылятся.

Ц когда въ ерва тпощемса ароматъ меня потучалася молчаливая молва аѳтеи, и э такъ хотѣл свѣд, гвѣ-то рука желазныиъ щитомъ закрыла солнце.

Ламповое пламя равномерно освѣтило своими пасмурными свѣтлом растенія.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Теперь обожженные голодом листья упали, гниют и гниют,
и стол мой, словно могила весной, в осенних вмятках.

Тяго-то близко, ты и тюремных стень, распускается первая
робка, травка...

И я не могу закричать..

И зреть, как эти цветы, цмирают и блекнут.

Полночь во сне еще снится, души, обманно лелю, трево-
жа, как желанье без завтра, как несобитогный отрывок в
круге навязчивых шумов, как свить флэ ослепшего.

Я не знаю, живу или нить?

Цельный день все ползет от окна по стене безмолвная,
справа зарь, касается глаз, развывает...

Если бы громы мить наводили, если бы пожары заж-
глись!

Но во мою тишину ворвались гробы ржи, слова безсвяз-
ных, блфных.

И не могу я закричать...

5. Полночь, все камеры заперты.

Ожидание томительное, как переаь приговоромь.

Изрыпка вырвется слово, смех и сразу уйдет, куча-то заво-
ется.

Из конца в конец одиноко и глухо проходить тасо-
вые, одиноко и глухо...

Звонь!

Звонь тастый-тастыи!

Надсаживая гробь, кто-то закашляль,

По корридорч ищеть, топчеться, звенеть, кого-то несуть,

Что-то толкают.

Тюрьменный колокол, захлебывался, дьеть, дьеть, дьеть.

Тулъ и звонъ везетъ и зѣтовъ, и Тамъ, и близко, и далеко, гулъ и звонъ...

Воскресъ Христосъ!

И страшный вздохъ, тяжелый стонъ бьются по стенамъ, по потолку и что-то въ глубинѣ тюрьмы вѣрещъ раскаеъ камни, взрываетъ Тьму осколковъ острыхъ, жгучихъ и сыплеть на глаза, вонзался въ сердце.

Душа фрозитъ, и крикъ ея глущаетъ высоты стѣнокъ, и ваетъ голосъ блѣдный, разцвѣтшій въ дыханіи страданья.

Воскресъ Христосъ!

Изъ глубины желѣзныхъ рамъ взоръ ясный свѣтитъ, и легкіе шаги скользятъ...

Развѣтъ воскресный, ярко-золотой, должно быть, Тамъ.

Къ обѣднѣ перезваниваютъ далеко за Тюремой.

Развѣтъ замучившійся, больной.

Не спитъ тюрьма, Тюрема молчитъ.

Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

Холодно, темно, а Тамъ на свободу все въ зелени; по ногамъ долетаютъ крики неугомонной жизни.

Но жизни я не вижу и кажется, что солнце выжгло человеческого рода, и только я спасся въ Тюрему.

Безцѣльно хожу взадъ и впередъ.

Задыхаюсь отъ оскорбленій; негодования Тьмы на меня.

Неукротимая злоба проснулась...

д стѣны эти и люди стоятъ передо мной, стоятъ и не чю-

чатъ.

Музыка бьется в окно, где-то близко проходить солдаты.

Долго гляжу в мертвые стекла.

И от горячих желаний стучать мои зубы, и так хочу я
разбить все, что меня окружает...

Уж зарево пылает во всех концах земли, огонь обжигать
и лижет тюрьмы; я слышу, как стны содрогнулись.

Высоко на обгорелых вислицах люди умирают; ка-
жутся, обезображенные Трупы...

Огонь заливает глаза.

И вся душа переполнена криками, переполнена криками.

Безцельно хожу взад и вперед.

Находят Тучи; тюрьма закрыта вощи Тюю.

Будто метель воеет, и близко туча под окном падает
снега...

Этo сгоревшие души, это раскаленное Терпение, это
онь вырвались, обступили Тюрьму и ползались, как океаны,
как полчища диких, все разрушая за неволю, за долги
плать.

Одиноко зазвонили к вечеру; в туманах крови проби-
раются звуки по вязким Тламам; одиноко свистят звуки.

Третья прокатилась.

Что-то разбилось, кричит, угрожает, что-то зовет и хрипит,
как ярость в щельях...

Безцельно хожу взад и вперед.

7. Тюремные часы чьи-то бьют.

Ночь нависает.

От лампы на полу и на стенах дремлют неподвижны
Тени.

Умирает муха...

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Утром застыла в камеру и цырираетъ.

Эя ланки суророжно вытлгиваются, все тльце прижимается
къ стьню, а расплывчатое патно тьни - ея послдней спутницы - плыветъ
дрожда.

Все еще вспоминаетъ она:

желтцн, пыльницю кашеру, когда плыветъ солнце живое, горюетъ,
бурдо и въ ясный день замороженныя стекла окна;

скучныя, большыя мокрицы по угламъ, гдѣ зеленеть стрѣлки свирость;

вьгно сонныя таракановъ на панели стьня;

глинныя, порвизжныя прусаковъ - безпокойношныя жующю стражу;

лпмивыя, налитыя кровью клоповъ;

Тонкѣ, стрые хвостики пугливыя мышей;

Зубы рыжей огромной крысы страшной и гладкой;

глаза заключеннаго;

гуль, стьня, птсню, звань кандаловъ....

Тамъ земля, небо...

И лица цырира.

Продолговатая тьня сгустилась и застыла.

Застыло и время, застыли шорохи, тоно жизни больше
не стало.

8. Глубокою ногою, задыхалась отъ негодованія, э сурголь у окна,

Казалось, выходило оно въ бездонную пропасть.

Нарождались и цырирали звуки неясныя, гего-то ожидающіе.

Теп-то навзрыгъ плакалъ ребенокъ.

Э метался отъ ужаса и тоски глубокой ноги, и сердце

мое разрывалось, и жизнь его проходила надъ пугинами.

Безшумно раскрылась дверь, вошелъ старикъ высокій, стль-
льи.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

- Я пришел убить Тебя! сказал он, и изъ руки его скользнула
ножь и, тихо звякнувъ, упала къ моимъ ногамъ.

Старикъ исчезъ.

Я прижималъ къ сердцу холодный ножъ, и становился
онъ горячимъ, яркимъ, и роса слезъ горла на немъ, и каж-
дая росинка шептала о мести.

И я ждалъ разсвѣта.

Нарождались и умирала звуки нежные, теплое оживляю-
щія.

И я ждалъ разсвѣта.

- Вставай, дежурнай! Надзира^{тель} вставай! Пора по
камарашъ, дежурнай! глухо говорить кто-то вблизи меня
и стучать.

Звонать къ повѣркѣ.

Старшій, время клютали, проходить въ сосѣдную кашеру.

9. Тухлыми ногами слушаю, какъ плачетъ сердце Твое, силь-
ное сердце.

И не знаю, гдѣ Ты теперь, и куда глядятъ глаза Твои без-
брежные, туманно-безфонные, я вижу Тебя, вижу лицо Твое
въ меркнущей, перемѣнной игрѣ изгибовъ, извивовъ, улыбокъ.

О гдѣ же Ты плачешь, потому лаской, поцѣлуемъ звы-
гать слезы Твои въ сердце моешь?

Что вспоминаешь, о гдѣ такъ тоскуешь?

И передо мною проходятъ мои дни и часы, и каждый изъ
нихъ идетъ краснымъ, горящимъ слѣдомъ, и каждый слѣдъ
горитъ и дышитъ.

Вся тайная слезы, что росой играютъ на моей щикѣ и
никогда, никогда не прольются на землю, — ихъ собираю.

Вихри, вы кружитесь тамъ, за стѣною, злые и темные, васъ
я зову, возьмите цветы, эти жемчужины, положите у ногъ
красоты!...

Тишина бездѣль, кругомъ тишина.

Окно въ вышнюю льду, и какое небо мнѣ покрываетъ
- не знаю я.

Но ты прикаснешься, выханіе твое - вздохъ любви - оди-
чаетъ меня, и изъ желаній моихъ смерть улетаетъ...

Быть можетъ, фавно ужъ истлѣли, истерты все краски,
иные цветы распахнулись.

И куда глядятъ глаза твои безбрежные, туманно без-
донные, где ты теперь?

10. Кипятъ, летятъ мои мысли, бездушныя мысли, какъ кровь
у убійцы, какъ улыбка зѣва, какъ зовъ соблазна

Кипятъ и жгутъ, рождаются и жгутъ.

Изъ земли выходятъ призраки гибели, и гаснетъ солнце
и меркнутъ звѣзды.

Толчоватое сіяніе, какъ вѣчная молитва, скользитъ во-
кругъ него.

Застигнутое мракомъ внезапной ночи, какъ тысяча
столкнувшихся потоковъ, реветъ людское горе, и стѣны пила-
ми скрипятъ, рвутъ струны веселыхъ пѣсень.

Океаны выходятъ изъ своихъ оковъ зеленыхъ и летятъ
по высокимъ скалиамъ въ пещеры.

Блеснула молнія.

И косы острыя огней, какъ ливень, льются и косятъ землю.

А призракъ властно глядитъ на ужаль людской надежды,
людскихъ желаній....

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Все также тихо, все также блочно.

Огни погасли.

Цифровище съ щеками мглистыми, съ очами бездны скреести-
ло руки, уста сожмнуло...

Жизнь - лампа старая - бросает мутный свѣтъ ко мнѣ
на зруѣ.

Все также день и ночь въ тупомъ страданьи...

И цифровою эфирною о звездахъ, что улетаютъ даль-
ше, выше.

11. Свѣтлая, лютная ночь.

Палы срываютъ плоды, облетаютъ цветы, трава
колосится.

Мѣсяцъ выходитъ красный, налитый истомой, и зар-
ницы, шныряя, колышатъ ароматы луговъ.

Цѣть замлѣтныя, звезды смотрятъ на землю серебря-
тыя, тисныя.

Тяло-то поютъ, глухо лаетъ собака.

Звѣчки, вливаясь въ окно, въ точку розы жмутся къ цвѣту.

Быть таси.

Пѣсня уходитъ, пѣсня далеко...

Какъ холодно, тихо, какъ мертвенно тихо!

Только ламповый свѣтъ, какъ грядущая смерть, со мною
живетъ.

Тихо, все тише, тише.

Слышу время стучитъ, улетаетъ.

Тоска желаній слабѣетъ.

Вспоминаю...

Время сильнѣй застало, безпокойно, нестройно.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Лепестки весеннего цвѣта садовъ окропляютъ меня, зовутъ, о любви говорятъ, красота.

Варужь гернятъ, сжимаются, пылью несутся.

Слышу, время стучитъ, летаетъ.

Окровавленные руки, нѣжно обнишав, целуютъ невинное тепло малютки.

Синяя глыба полярныхъ льдовъ шумно врывается въ праздникъ южнаго моря.

Урыдаетъ душа, тихо рыдаетъ, какъ нѣмое, застѣнное горе.

А на кладбищѣ въ бѣгъ часовъ кости стужатъ и колотятся...

12. Ты пришла, Ты стоишь на порогахъ.

Ця смотрю на Тебя, не отрываюсь смотрю.

Какъ роскошны заманчивы Твои улыбки и плъкнители на губахъ Твоихъ, увидалъ иммортеляши!

Это - сердце Твое, аylanенное подъ лепестками нѣжныхъ цвѣтовъ, напѣваетъ мнѣ пѣсню о солнцѣ.

Невидимкой скользятъ Твои легкія ноги, тожно звуки цтренихъ зорь.

Весь глядятъ на Тебя, жаждутъ прикоснуться къ разсыпавшейся волни волосъ Твоихъ и бльгуть, безумно губятъ, убивая за Те слезинку, что, скачиваясь съ фылящихъ ресницъ Твоихъ, манитъ, сцмлитъ.

Ты пришла, Ты стоишь на порогахъ.

Ты, чистая, вьгно тайная, Ты весна зимнихъ сновъ, взгляни ко мнѣ, дай любви Твоей!

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Въ плъну.

И.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Неушолимый рокъ, огонь всевластный, опусти скорый свой
метъ, скорый спали меня!

Я трепещу, я цвѣдаю въ желантѣхъ узнать твой взоръ.

Въ тревогу слушаю, въ тоску слѣжу, стараюсь пони-
мать невнятный голосъ моей души и шепотъ капель
дождевыхъ и стонъ деревьевъ.

Ты долго велъ меня, твоя рука такъ тасто раскры-
вала зрѣвъ и разрывала сердце мнѣ.

Во снѣ являлся ты и говорилъ о тайнахъ...

И видѣлъ я тебѣ на терномъ камнѣ въ раскаленно-
красныхъ облакахъ съ безжалостной улыбкой, полной
звѣсти, ты звалъ меня, манилъ съ собой.

Теперь, когда я подошелъ къ невѣдомой пустынѣ, и
передо мною страшный блескъ бросаютъ звѣзды,
я жгучу, я жгучу.

Ты снова явишься, ты знаешь все, всю жизнь мою.

О рокъ неушолимый, огонь всевластный, опусти ско-
рый свой метъ, спали меня!

I.
 Probaunt.

1. Зашипели, обнажась, шашки конвойных, раздалась тропка команд, и все пошло, торопясь и звеня, торопясь и перегоняя друг друга.

И я чувствую все, что было и что таится в мутных озертишках грядущаго.

На мгновенье тьма осветилась, и ясно стало, как полдень.

Ледяныя руки обняли меня, и ледя жегъ мое сердце, и я проклиналъ голытька и, проклиная, падалъ презъ нихъ...

Я стою, прижавшись лицомъ къ холодной, ржавой рѣшеткѣ окна: мимо проходятъ люди, фонари напряженно горятъ.

Свистки, трески, шипящие пары звугатъ отзвѣтливо и резко, хотѣтъ сказать о темъ-то, напомнитъ.

И я хочу собрать все мои мысли, найти слова...

Но польза мигтѣ, шипѣ и колыхаясь, мигтѣ въ глухую ночь и темноту.

2. Открыты окна.

За вагономъ летитъ солнце, блестящее и еще холодное, а лица бьются о рѣшетки, оставляя стрѣй, усыпанный мельчайшими блестящими налетъ.

Мелькаютъ сонныя полъ высокаго, желтаго хлѣба.

Вагонъ просыпается: сопаетъ, кашляютъ, плюютъ, выходятъ и приходятъ, катаясь, цѣпляясь за ноги.

- Осенью-то пхать и недоживешь! говорить сморщенна старушенка, пережевывая корку.

- Чего не доживешь-то, тридцать годовь хожу во всю времена года - живь, цыль и небрежимь! отзывается старикъ Ашка.

Онъ важно пветъ чай, со вкусомъ присасывая сахаръ. Блпалъ оправа его отковы приросла къ носу и переходитъ въ длинную блпую бороду, позеленувшую у губъ.

- Молодому куда еще, а мнѣ на седьмой-то десятокъ, Тосподи, всю-то разломилло...

Заплакали дыти, поднялись бабы, заорали.

Когда же немного притихло, послышался подъ стукъ колесъ голосъ Ашки; онъ роется въ своемъ мѣшкѣ и чхмы-лется.

- Книжки, вотъ эти, получили я отъ самого господина начальника. Проповѣдникъ былъ, агличанинъ. Эда... „Познаніе, говорить, усмирить гувство твое и освободитъ отъ него.“ Лучше бы, сукинь-котъ, отъ тюрьмы освободилъ! А то „кандалы въ дыши тѣ желе вашихъ!“ Попробывала бы этакая пизалица наши-то поносить, да мо что агличанинъ!

- Одно развлечение, а то и слушать ихъ незего! глухо отбываетъ сосыръ Ашки, высокій, сухощавый съ желныиъ лицомъ подвижника.

- Да и безъ проповѣдниковъ сами знаешь, покойный Державинъ сказаль: „бучь и въ добрь и зль великъ!“ Такъ-то! А то агличанинъ!

- Спи ты, тего поднялась! скала зубы, угговариваетъ конвойный молодому арестантку, поднаживаясь и заигрываетъ-та пишуть.

Барахтаются, ругаются.

- И приятно, любо ходить лишь, и хожу. А сколько я этого народу на своей вьюке обмануль, родного брата надуль!...

Хихикають, старуха стонетъ, кто-то немилосердно гешетъ и збѣаетъ.

Ашка повѣствуетъ свои флинныя, запутанныя похождения.

Становится душно; пепельно-желтый табачный дымъ широкой и густой полосой тѣнется отъ двери до двери.

Къ арестанткѣ пристають и задирають.

Кто-то запль.

- Дѣд, слышитея голосъ Ашки, и живу такъ, прѣтно, хорошо лишь, одно - усталъ, тѣло болитъ, а я и вино убавляю.

И все сливается въ какое-то журижанье тупое, хриплое.

Хотелъ тѣдъ, на эти поля, дальше, дальше отсюда.

И съ болью вспоминается другое.

Скоро станція; конвойные собираютъ тайники; спорятъ, звызуются.

Пльзъ остановился.

Пассажиры и публика, прогуливаясь по платформѣ, присливо и любопытно заглядываютъ въ окна.

Къ ветеру бѣдеш на этапъ.

3. Сливаются мутныя споры туги съ Турешной стѣной.

Все расплывается, ашелеть и въ безрѣзномъ снѣ меркнетъ.

Только мысль, возбужденная волею, поднялась и пошла,

въ лильяхъ краскахъ огни зажигда. *когда-то*
 Пль, тви образы ласкала, Любилася душа, оживаютъ...
 Слышемъ стучь и кипилю кроби; губи горлгъ шел-
 цуть; страстные вздохи, пылаз, нльмлютъ.

Но тви не увидишь, не пройдешь къ нимъ, только
 можешь слодитъ издалека, распалась близостью при-
 раковъ, го пльвуть по стьнь и по тугамъ, жгутъ и мол-
 татъ.

Пусть бы мысли задули, пусть бы крьпость холод-
 ныхъ стьнь убавкала ихъ:

Но безпокойназъ треза, рыдал, не меркнетъ; образы
 зрге пышнпшъ расцвѣтають.

И, обезсилъ въ, душа цъленлетъ ать жажды.

Ч. Попозъ зремить, буря со свистомъ догоняетъ его и желвз-
 ную зръню бьетъ о крышу.

Дождикъ стучитъ, капли слезами текутъ по стеклу.

И сердце тихо забилоь, словно вся эта нозь дождливая,
 бурная, весь этотъ ужасъ и мракъ грозюю, бьдой наступаютъ.

И сердце тихо забилоь, робкое сердце — пугливазъ пуг-
 ка подъ крьльями хищника.

То оно видголо, о темъ ему дождикъ стучало — не сказа-
 ло оно.

Долгазъ нозь...

Бльннызъ души безсилъ; драгоцѣнность подрѣльная; клазь,
 зръ скриваются зльпи; далъ бездолъная...

Попозъ зремить.

Дождикъ стучитъ, капли слезами текутъ по стеклу.....

Разсвѣтаетъ.

Торопясь с колокольнями, тучами, омытыми дождями, мелькает.

Остановился поезда.

Выводит на платформу, и я иду медленно за длинной, сырой, широкой стальной арестантов.

Щель, крики, безжизненные экипажи, колокольчики конюх, благовест и скорбный, переливчатый звон кандаль.

Ведут в башню.

5. В маленькое башенное окно с зубчатой решеткой глядит ярко-голубая звезда.

Одна она глядит в глубокую ночь с герцаговеба.

Старая башня странно и темно бурлит.

Мыши монотонно скребутся.

Я вспоминаю забытую, выгнута сказку о птице, залетевшей когда-то на землю с небесного моря, где она плыла в разрыванной туче, блистала в разсветах, играла в лучах...

Небесная птица в клетку желтой.

Ноги и дни в безпросветной неволе проходят.

Крылья завяли; затомились, заплаканы песни.

Как-то в осеннюю ночь так тосковала она, так вспоминала.

И с долью молитвы вздыхались из жаркого сердца...

И прутья, звеня, содрогнулись, и небесной вольной туче раскрыло, и полетела птица.

О, как тосковали, изнемогали ее желанья!

Серебряные нити, что звезды ночью бросают к людям, ее обняли, и дынные покровы над спящими солнцем затре-

пелаги.

Но вьтерь, герный вьтерь залполъ чыло, вьстрьгая кры-
ль.

Отнцлась птица.

И долго, долго въ раздцшьь скрытомь она молтала, жд-
ла, зрцстид... .

Тяь нынть птица: на небо ль вольномь или тмцтсь?
- Никто не знаетъ.

Такъ, вспоминая сказку, я содрогнулся.

- Волъ, волъ, стонало что-то, слетай ко мнѣ, хотя
на мизь обманнымь сновидѣнтемь слетай, бери мои
вь слезы, изъ нихъ слззгють люди пьси и возрви-
згють новыи ковтеги отъ смерти и потоповъ!

в. Въ камерь „Куб. соф. возр. 7 с. Пар.“, я лежy въ каме-
рь на высокомь болвнизномь тьюфакь.

Лампа горить.

Какая чрорлива, гигантская тьмь, малъ тьмь!

На рыкь пароходъ реветь.

Пищитъ вентиляция, тькаютъ гасы въ корридорь.

Изъ цгла крадцтсь цвъ тонкй тьни, улыбаютсь и улыбокю
двблть мнѣ мозль.

Не надо, не надо такъ!

Кто-то подбьгаетъ къ цвери и шептеть...

Зачьмь это онъ, зачьмь сказаць?

Лампа взрзгиваетъ, тьшанитсь; тьи-то костля вые
пальци пухаютъ въ носъ вату....

Надъ головою стццаетсь тьшное пьтно.

Упадетъ, оно упадетъ на мнѣ, и я солъюсь съ мнѣ!

- Кто там? Кто стучится?
- Терпенье, ... терпенье, ...
Жужжить муха долго, непрерывно.
Посешь, ты посешь?
- А не могу, не могу...
- Да, да, да, да! весело слышется гасы.
- Высший подвиг в терпенье и любви!
Затворите форточку!
Как холодно, в больнице и холодно! Затворите!
На желтой грязной стене копошатся красноватые живые пятна.
Здесь пахнет имъ гость людей!
Огни мелькают напряженные, зркие.
Люди бьются, бьются...
Тяжело это? Кто?
Что вам надо от меня?
Вась всяк, всяк, всяк чубить!
Земля стонет красной, красной от крови вашей.
Как неавижичь я вась!
Да, завтра, завтра...
- Ты в роты идешь, раздвигаясь, снимаешь гучки! кричишь
надтреснутым хрипловатым голосом конвойного, колкие усы касаются
щеки.
- А-ах! а-а-а!... роты, роты... Ты... ты!
Распахивается форточка.
Ты-то когтистые пальцы пихают в нос вату.
К двери подходит, шлепая валенками, надзираетелъ.
Не чйчу, не чйчу!
- Уйчу... чйчу... у-у! у-у!
- В терпенье и любви!
Форточка хлопаетъ.

Лампа мигаетъ.

Вдругъ пламя заколебалось и потыжало изъ камеры.

Что-то тяжелое наваливается на все тело и расте-
т, и холодеет, и грядет...

7. Вечерняя тоска вошла въ тюрьму.

Взадъ и впередъ, забываясь себѣ, ходятъ вьлнз тьни.

На рюкь пархождъ реветъ.

Уйти куда-нибудь, не видя въ этихъ водлянисто-желтыхъ стѣнахъ,
не слышать шепота тишины, не дышать холодомъ киприцей, из-
рытыхъ отгаднелъ!

Изъ окна идетъ сонный, меркнувший свѣтъ.

Вспоминаю...

Слышу, въ мертвыхъ старыхъ камняхъ бьется жизнь.

И люблю я ее, и мучаюсь, люблю ее!

Разбиваются камни, осколки звенятъ.

Взадъ и впередъ, забываясь себѣ, ходятъ вьлнз тьни.

Безсилныя мысли жмутся къ окну.

Плывутъ безразличныя тусклыя фразы, воздухъ вбираютъ
и безсонною ногою на щучу ложатся, какъ снего на запозда-
лыи осенний цвѣтакъ.

8. Стою на трапѣ.

Толчуться нога далеко и широко надъ рюкюй.

Свѣтлая нога! И зато я люблю Тебѣ, такъ люблю.... "

Вспоминаю иду, повторяюсь, сливаюсь.

А посещу широкоиъ зчствнлз клюгельмъ ладаетъ въ воду, и
взалучски бьются золотыя, фрозмачнлз стрччкн и, нагонлз дрччз
дрччз, извиваются лентой.

Вперед — заброшенное, что-то суровое, забытое, неприятное...

Легкий ветер, едва шелестя, воздуха, фаносит глыбы.

И гудит, что-то тоскливое в этих полупешотках голубящей ноги.

— На лавой, куда правили, на лавой паршивая! вфрцэ зафри-
галъ командиръ

— а — ах! отвѣтили съ баржи.

— На лавой, коли надо прими галку, а то отходи, поверни голь
еще!

— а — ах! отвлагаютъ съ баржи.

Медленно, спокойно плыветъ рька, только ч колеса вста-
ютъ герныз волмы и, откатывалсь, бьютсь о берегъ и вхлипы-
ваютъ.

Пароходъ сопить и пылится; изъ трубы вылетаютъ крас-
ныя искры — крылатыя рыбки — и расплываготсь, таютъ.

«Ты не мни, Ты фрцгиль посылаешъ покой...» И такъ
вфрцэ хогетсь большихъ — большихъ звуковъ и много свѣта...

— На правой, вперед!

— Деветъ, де-сетъ! отвлагаютъ съ носа.

Протлжно и гудко запль пароходъ; вздрогнулъ лсъ,
вздрогнули берега и пустыи свои перелетныя откликни на
его зовъ.

Что-то страшное вошло въ нозь и принялось давить и тос-
нить зрцрб.

Дальше, казалось, не было жизни, и эти лсъ въковые,
суровые не видгли тропь, не слышали геловтъвъго голоса.

Замелькали озоньки пристани.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН ³⁰

Взплъху.

III.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

За глухіе вѣтры, въ царство улыбающейся тѣмы, въ царство бѣлыхъ ногей прилетай сюда, и въ ледяныя горы несуть тебѣ вихри на снѣжныхъ корабляхъ.

Отдернется завѣса шумовъ, и крикъ громада вырвется изъ грѣхи твоей, и полетятъ запыхавшимися тугами желанія твои.

Выше, выше! воскликнетъ осужденный на таяніе зовъ, и духъ твой, раздвигая сердце свое, понесется дальше къ миражамъ выжженныхъ водъ.

Окаменлыми лентами ползутъ къ вершинамъ некогда горяге ключи, и въ глубину катятся глухо слезныя волны.

Метель продвигается...

Слышишь шепотъ ея, ласковый шепотъ зыбей?

Она раскрываетъ свою ледяную грѣбу, и пылающія зубы твои, обожженные энгушми рыханіемъ, замерзаютъ.

Ты протыкаешь руки мертвому холоду ноги и падаешь, срываешь со скользкихъ утесовъ.

А ледяные осколки трещатъ и хохочутъ, хохочутъ во слѣдъ тебѣ, всей жизни, всей землѣ...

За глухіе вѣтры, въ царство улыбающейся тѣмы, въ царство бѣлыхъ ногей прилетай, прилетай!

1. Пелена изъ зари и зноя, вздрагивая и разбивая огни, падает.
 Еще видны растенія, пылающіа жаромъ и полыхающа, съ острыми, зазубренными зелеными листьями; изъ поплывшихъ вѣтриковъ бѣгутъ тускло-серебрянымъ ключемъ горящаго пламя.

Слѣпыя пылавія бабочки, уродливыми гудовищами перелетая тѣжело и неровно съ листа на листъ, здрогать.
 И крылатый, мягко-звенящій воздухъ, голубой стрелкой выпархивая изъ огней, дрожитъ и влетѣвъ передъ пеленою, вѣхалъ помирающее пламя, мѣлу и ароматы.

Пелена падаетъ.

Длинные жельзные пальцы тѣнутся къ ней, хватаютъ за ея концы, и пелена застываетъ.

Быстро одна за другою падаютъ новыя въ колючихъ иглахъ, жесткихъ и хрупкихъ листьяхъ, въ пучкахъ облетѣвшихъ цвѣтотъ.

Смеркается.

Видно изъ окна мѣткую рыбку, темно вся она выложена рыбьей чешуей, и берега сизые, тѣжело-задумчивые.

Ночь идетъ, вколачиваетъ золотые звезды къ непривыкнутому небу; и горятъ они, раскаляясь по въ чарамъ, глубоко проходя въ мою душу.

Жметъ сердце въ тревогу, вздрагиваетъ.

И летаютъ туда гереизъ горы, пески...

Стучитъ ногъ, вколачиваетъ звезды.

Незамѣтно къ сердцу подходятъ ихъ острия.

Варца прикасаются, пронзаютъ, и оно обливается кровью...

Холодно, звезды горятъ; вся рыбка въ неподвижныхъ, туман-

Нихъ судахъ, берега расплылись.

2. Снегомъ заносить.

Рвется въ поглыбшїя окна метель, въ крышу стучится.

А вѣтра еще жаль василекъ, жали ромъ, рѣки разливалась

Коврами.

Въ одну ногу!

Стынитея сподя рѣки, судорожно плещутъ волны.

Слушаешь молча, жмешься отъ холода.

Ногъ ужъ фароги, везаю смерть, всюду слышь.

Погребаютъ, поютъ надъ тобой...

Выходи - выходи!

Будешь ногъ и утонешь, въ волны, въ волны утонешь!

У васъ ногъ тепла! У васъ свѣтъ ногъ!

Здѣсь огонь! Жизнь горитъ! и, пылаю, блѣднѣю жмя, вѣтисъ безъ сна, расплывшисъ, безумна!

Выходи - выходи - выходи!

Утонешь въ льдяномъ, въ блѣдномъ огнѣ!

Всѣ, кто летаетъ, всѣ собирайтесь, всѣ обнимайтесь и уми- гишьте далеко-далеко-далеко!

Выходи!

Никто не увидитъ! Никто не узнаетъ!

Снегомъ засыплю, вѣтромъ развѣю, задушу! поцѣлу- емъ холоднымъ моимъ задушу!

Выходи!

Не надо - не надо!

Песню спаяю!....

Поздно - поздно!

Спаяю?!!

3. Шишина, какъ въ могиль ногью, въ глубокой, промерзшей мо-
гиль.

Небо горное, отъ гистаго снѣга горный.

Свѣчка горитъ одимокъ, безшумно.

Разспались мысли, задохнулись.

Низего мнѣ не надо, я низего не прошу...

То-то живеть, все кругомъ наполниль невнятнымъ жу-жу-маньбелѣ.

Это - время цвѣтъ, равнодушное не ждетъ оно, нѣтъ ещѣ
глад, то кто-то гутко бичмаетъ ещѣ.

Шишина...

Шишина, какъ ногью въ глубокой, промерзшей могиль.

4. Пой вѣтеръ, пой!

Ты - старый вѣтеръ, ты холодилъ эшафоты и теплые
пруды сѣдилъ и темнилъ и кригалъ, ты трепеталъ на листь-
яхъ запретнаго древа...

Вѣтеръ запелъ.

Долго вылъ, выводилъ, баянкамъ гуду; рассказывалъ,
сколько царствъ облетѣлъ, гдѣ стожилъ дворцы, море кипѣло,
имена называлъ непонятныя, странныя.

Вѣтеръ, а жизнь?

Пропой мнѣ, стоить ли жить?

Вѣтеръ замолкъ.

Встрепенулась душа з вѣтеръ скажетъ, вѣтеръ - ста-
рый, онъ много-много летѣлъ.

Да - а - ахъ! вѣтеръ отвѣтилъ, рванулся въ окно и въ
поле члгала.

Злился летѣлъ, все свои пѣсни поетъ и, рыдалъ, хохочетъ.

5. Здравствуй сорока!

Окна прилетела?

Побольла твой переодникъ, словно прилила къ нему слеза.

Что, сорока, мерзнешь, тоскуешь о лесе?

Подъ ложила окноль не найти тепла...

Сорока, фронцишь ты?

Срзгьсь подь крышу, тамь дождешся тепла, — я нигего не могу тебе дать.

Ты вьрь давно тутъ, привыкла; весною, тутъ солнце при- зреть, ты оживаешь.

Сорока, скажи мнѣ, какъ ты выносишь морозы, нацги, какъ дятлей своихъ учишь...

Сорока, я замерзаю!

Нигего не сказала сорока, вепорхнула изъ окна улетьла.

6. Зеленоватая ночь туманная, въ колеблющихся тучахъ.

Все растало, замерло; ни звука, ни голоса, — но все жи- веть, завлканное зеленоватыми свѣтлами.

Пройдетъ близность, и никто не шелохнется, никто не по- дастъ голоса.

Хочешь дышать?

Безшумно наклоняясь, проходить мысли, роешь налетаютъ и падаютъ, сливаются переръ тайной близности; и то, чего еще недавно такъ сильно ждала, отступаетъ, терзается...

Безлохотно идетъ сквозь окна зеленоватый свѣтъ, идетъ и проникаетъ въ дышцъ, тиснить ее.

Не смерть, — нить смерти въ этой ноци, — тутъ жизнь пофеденная, жизнь въ ядовитыхъ тканяхъ.

Медленно впитывается отравда, медленно тогитъ

Зеленоватый светъ, и угаса, въ тревогъ везрѣ, везрѣ видить
душа молчаливую, тайную вѣгность.

7. Мутный възоръ обнищаетъ душа безъ конца распро-
стертые въ тучанъ глѣбкіе снѣга.

Снѣгъ идетъ.

А гдѣ-то далеко возвратились сегодня жаворонки;
скоро залветъ ихъ пѣснѣ, зафрознитъ въ голубошъ, теп-
ломъ въздуху надъ зелеными нивами.

Негдѣ останоить взора, негдѣ възволновать тиши-
ну, муть разогнаѣть, ледъ разбитъ... вѣгный ледъ.

Душа такъ страстно, такъ нетерпѣливо хогетъ
туча чѣти, гдѣ гуть фышетъ талый снѣгъ...

Пога сердцемъ костри разжигаютъ.

Мутный взоръ все глѣдитъ, все глѣдитъ на глѣбкіи,
безко негный снѣгъ.

Снѣгъ идетъ.

8. На крыльцѣ въ блѣдномъ тающемъ светѣ виситъ
темна, длинна тѣнь.

Исплѣзъ легкій и острый въ вѣнцѣ золотыхъ лепестковъ.

Сколько звѣздъ тамъ глѣтыхъ, сіяющихъ!

Тѣжелая герназъ туча - вѣстница теплыхъ дней, - какъ
свѣта сашка, но лѣсу раскинулась, спитъ.

Деревъ, бѣтъ можетъ ушершитъ долгой зимою, гуть вѣтно
скрипятъ.

И въ такую морозную полночь вѣрцѣ раздается пере-
ликъ пѣтучковъ, и кажется, солнце сіяетъ, и радостно при-

заает сердце, тожно ребенокъ, тожно глупый, малыиъ звирокъ.

9. Уйти въ глѣбъ пробуждающейя земли, обнѣть развѣтвленныя корни и застыть, прислушиваясь къ музыкѣ звенящихъ струекъ, изливающихся на жарныя рты стѣблей и стволонъ!

Тамъ на верху благоухаютъ травы и въ зной пелы жужжатъ.

Душною ногою подъ музыку кузнекикобъ жука пролетитъ.

Дикія розы раскрываютъ лепестки, и лветъ ихъ игомлющее рыханіе подъ говоръ созрѣвающихъ пылинкоъ.

Отъ снѣжности листьѣ шелестятъ, пробуждая попки — этихъ задремавшихъ подъ снѣжныиъ сказки дѣтей съ раскрытими розовыми губками.

Уйти въ глѣбъ и слушать!

Осыпая цыбѣки золотымъ дождемъ, смерть идетъ.

Замолкаетъ путь ея, и зеленые покровы земли спрыютъ, мѣтутся.

Она близко...

Она надъ тобой.

И ты прорываешь всю тяжесть навалившейя земли и цпылешь, обнимаешь жизнь...

А смерть оставилась, озлѣнчилась...

10. Лебеди, бѣлые лебеди!

Снова къ намъ возвращаются, незабыли...

Отъ вашего взора, отъ шелеста крылбевъ зима съ себя сбрасываетъ бѣлыя ткани.

Лебеди, помните, вы улетали, и гнал за вами снежный бурьян, и я провожала вас.

Какъ я васъ ждала!

Въ молчаніи медленно дни проходили, были метели, мысли собирались въ мутныхъ тучи.

Высоко, высоко летите вы!

Если бъ и мнѣ полетѣть!

Воспоминаніи хлынули, тожно плыли изъ затаянныхъ страданій.

О, эта жизнь - вѣчно зелена, вѣчно бесплодна!

11. Тихая, въ испареніи льдовъ и снеговъ, затканная пучками звѣздами, ты, весенняя ночь, прими тоску мою!

Въ оутраченной землѣ уже жизни спленила кипѣть и бродить.

Слетаютъ стаи птицъ на пробужденныхъ озера, и въ старомъ лѣсу кричатъ ихъ голоса.

Ночь, ты слышишь, моя душа тоскуетъ

Она, какъ птица запоздавшая, измѣтаетъ снегами, весной призрачна, лежитъ въ глуши, внимая лѣсу.

Ночь, ночь, ты слышишь!

12. Теплый безоблачный полдень.

Погеревшій ледъ водой окружень.

Вотъ цѣлѣй островъ, усаженный елками, задвигалась, и рыбка затрещала, застонала, словно разбередили ей застарѣлую рану.

Островъ неслышно проплылъ и застылъ, льговый и сонный.

На откосъ высокаго берега пріютились, выглаживая

одуванчики спырые, хилые.

Первый цветонок!

Из глубины его гашетки искрится аромат; кажется, колыхается согная трава и нестрельные разноцветные цветы.

На плоту шлепают валики; гуси летят; ребятнишки на кагелках кагаются.

Отрываются мелкие лодки и плывут, словно утки.

И хочется подойти, тронуть вонь того неподвижного и огромного кита, быть может, и поплывет, а с ним и вся рька.

13. Устают ли полярные вихри или рька перелетла все свои плески, и гайки устали перелетать с красных и спырых гребней бурой волны, но воть по голубоватому небу познала южный ветер, тожно на молодые луга, стадо больших туч, и гдь-то вдали глубоко прозвучал рог весны, и брызнул теплый дождь.

Зазеленела озяль, прихорашиваются тонкие стебельки травы, береск покрывается колким щитом, пьните мох, лишай бархатятся...

А глистозы вегетомы зашелькали вь тшанах разноцветные огоньки и, фрожа, поплыли по спрой рьке.

Пароход идет!

Вспомнилось, как уходил онь воргливою осенью; казалась тогда, онь изрвался, смтался...

Пароход реветь.

Кь берегу подплывает длинная, дышгата, равно-

душная волна; вздрагивает и, ослабевая, плещется ка-
нетью; брызги летят...

- Работай! галку! работай! герти! кригать на трап,
и бродить съ высокими шестами длинными тьми, и въ
глубинь у колесъ это-то бороздеть.

14. Теремуха цвететъ.

Душистое ея фыханье влетаетъ въ окна.

Слоды зимы ужь заросли травой, цветками, лу-
чи на льды цгнали ея колюгій вихрь.

Вась визну, высокїа ели, вашихъ вѣтвей ѓ кас-
юсь, запахъ вфыхаетъ.

Подъ ногами мохъ хруститъ.

Шелькаетъ голубой мотылекъ, ползуть илимь-
тели.

Старые мокрые лки фряхлѣютъ, крошатся, а рл-
долъ блестятъ молодые побѣги.

Грустно иду по знакошому льду.

Тѣкъ любилъ ѓ тебѣ, изъ окна ѓ слѣдилъ за то-
бой, подыгвалъ твою непогодѣ, хворые стомы и
гудѣнье, гудѣнье.

И теперь грустно мнѣ...

Ты разцвѣлъ, ты живешь!

15 Она къ ноги пришла блѣдная и голодная.

Ея гнѣвный, взбѣшенный взоръ пылалъ стужено.

И она пристально посмотрѣла въ огонь лучей...

Тогда вихри задрожали, захохотали и съ воель

и съ визгомъ пустились по лугамъ, поргкю, вздымая волны,
ломая сучья, цветы срывая, топта траву.

Хрустѣли кости, кляжами крови шипѣла, стояли
ли слезы играваго въ цвѣтахъ малытки - вѣтерка.

А слышала, какъ весна, изнемогая, забарабанила
на озлобленой рѣчкѣ въ мое окно, какъ послѣ въ дверь
рванулась.

И тишина настала, лишь кто-то тѣжко задыхался.

Вѣрять снова дикій, долгій, хриплый вопль...

Метель кричала, забывала, бросала небо снегом...

На утро выглянуло солнце, осветило путь зимы

Зима бѣжала быстро, быстро.

И вѣсть съ ней бѣжали ели, мелькали тѣни.

Измученныя волны старой тѣной обдавали зеленъ
береговъ.

Цвѣтѣи геркулхи излѣтые висюли въ снегу.

Вторя свистали вихрей, ржучь лошади, ая —
на берегу, застигнутыя ногою снежныиъ ураганомъ.

Гдѣ птицы, что шумали? А не слыкала ихъ.

И плѣтчи молгата.

И л. дрожалъ отъ стужи, вдыхалъ зимы, передо мною
плѣли вѣзѣи морозныя, какъ эти тѣчи бѣлыя.

Потомъ я мерзю, съ тоской мегтал о весню.

16. Снѣгъ падаетъ, тихо-тихо падаетъ.

Бѣлалъ ногъ, бѣлалъ землѣ.

Не видно береговъ, ни озими, ни распустившихся цвѣткѣиъ смо-
родимы.

Рѣка стальная спитъ: ей лѣдимины грездѣтѣя.

Птицы в тревогу, удивлены.

Кошары замерзли.

Птицы перелетны, цветы, доверчиво расплачившие
свои албы, нжные грядки, бабочки густы, марамы в
недогрозях- платицах, жуки, гусеницы, герваки в ат-
ласах, шелку, изрушежных панцирях - заглаз прилето-
ли, заглаз проснулись?

Ночь зрел долгих лучей, вьюги одну!

Снег падает, тихо-тихо падает.

Я думаю о погибающих пьенях, о гдели красок...

И одна только кукушка, мары вальс, кукуетъ, тос-
ку вылететь со мной.

17. Вот и весна отцвела, уплыла.

Так уходит день за день.

Их много лезить, цвитых погернвшими ветка-
ми грезь.

Они - тожно кладбище льса!

Видны сухие стволы, без листьев, обгорелые; искрив-
ленные пни цпираютъ туго въ спрчу землю; утопта-
ны пыльные мхи; гарь, гарь и пески.

И жизнь проходить!

Ночь, только грезь о ней; ночь, цгасах, стелется
дымозъ, жизнь зреть-то тамъ впереди.

И, быть можетъ, пожаръ грезь сожжетъ ее?

И когда потухнутъ огни - встанетъ пустошь -
-смерть.

Вот и весна отцвела, уплыла.

Жизнь - кладбище грезь!

18. Прощайте метели, прощайте и лесь и вихри!
 Не увижу васъ, вашего стога и холода не услышу.
 Я въ плънцѣ у васъ прожилъ...
 Пошны, бѣлѣный иней лежалъ на облетѣвшихъ цвѣтахъ.
 А вѣцъ съ дождями шелъ по рѣкѣ, плылъ воду, листья красные,
 желтые по дорогамъ бросалъ.
 Хлѣба убирали.
 Весь въ нѣжныхъ снѣжникахъ пушистьи легалъ сентябрь.
 Рѣка цуктывалась въ ледъ.
 И метели одна за другою понеслись съ пѣснями, съ плачемъ.
 Часто въ тревогу я спрашивалъ, звалъ...
 Но вѣтъ и апрѣль пришелъ, глухой грѣшь весну принесъ.
 Трава зеленѣла.
 Шихо въ бѣлыя ноги снѣгу падалъ.
 Земляника цвѣтеть; рѣдятся папоротники, вожжи;
 гнѣзда пустуютъ, сорятся.
 Скоро снова метели завоютъ...
 Прощайте!
 Быть можетъ, не возвращусь къ вамъ, не увижу стогого
 мха, зеленыхъ лишайевъ, не услышу васъ, вихри.
 Я въ плънцѣ у васъ прожилъ годы, годы въ глубокѣ
 кой тоскѣ.